

ДЛЯ каждого человека дом — понятие двойное: собственно дом под крышей, где он родился или сейчас живет, и страна с ее лесами и долами, городами и селами под серым или голубым небом, где он учился мыслить, творить, впитывал дух и традиции своего народа, становился гражданином. И если дом в первом случае — понятие преходящее: сегодня один, завтра другой, то отчизна — понятие постоянное, ее не поменяешь, ибо «это край, где пленица душа», как поэтично сказал Вольтер. И, находясь на чужбине, человек всегда говорит «не у меня, а «у нас дома», имея в виду всю свою страну, как бы растворяя себя в своем народе.

Поэтому, когда я говорю «Кобо Абэ у себя дома», то вспоминаю наши встречи с ним на земле его отчизны, в Японии, в токийском литературном салоне «Кинокуния» района Синдзюку. Я считаю, что мне повезло, ибо застать Кобо Абэ летом в тесном, задымленном Токио почти невозможно. Он уезжает в эту пору, как у нас говорят, «на дачу», а там его не сыщешь. Кобо Абэ в городе задержали дела театральные, точнее, работа над постановкой пьесы «Друзья».

— Выступаю теперь как режиссер. Репетиции каждый день, — сказал он при нашей встрече.

Но все по порядку. Прежде чем услышать эти слова, надо было найти их автора...

Повидать Кобо Абэ этой целью я задался еще в Москве, когда готовился к поездке в Японию. В своем дорожном блокноте его имя я поставил под номером первым. Почему Кобо Абэ? — вправе спросить читатель. Кобо Абэ — писатель. А «литература», — как говорил Белинский, — есть сознание народа, цвет и плод его духовной жизни». К тому же Кобо Абэ не просто писатель, которых в Японии много. Он наиболее видный представитель группы «Дайнидзи синдзин» — писатель второго нового поколения, сумевший в своих произведениях талантливо выразить смутные, боль и поиск народа после катастрофы во второй мировой войне.

Когда милитаристская Япония рухнула, припорошенная дьявольским пеплом атомного взрыва, будущему писателю шел двадцать первый год. Это пора для человека особенно сложная: он как бы делает первые шаги по избранному пути. А перед поколением Кобо Абэ в один миг оборвались все привычные пути-дороги, разверзлась земля. Люди словно оказались в глубокой безмолвной пропасти, выбраться из которой надо было прежде всего. Эту мысль я прочитал в романе-аллегии «Женщина в песках». Потом на моем столе очутились другие произведения Кобо Абэ: «Чужое лицо», «Сожженная карта», но «Женщина в песках», оставила наиболее глубокий след в сердце.

Вот почему в программе поездки по Японии я в первую очередь наметил встречу с Кобо Абэ. И не ошибся. Долгая беседа с ним помогла мне кое-что понять в сложной духовной жизни японского народа.

Литературный салон «Кинокуния» удалось найти не сразу. Даже коренная токийка Аота-сан, добрый мой переводчик, всегда улыбаясь и внимательная, не раз в задумчивости поправляла перекладинку очков, прежде чем мы набрали на серый,

весь в рекламе, как в запладах, дом. Но и в нем еще изрядно пришлось побродить по длинным коридорам мимо бесчисленных стеклянных дверей, свежихся табло, красочных объявлений и напечатанных. Наконец увидели скромную табличку: «Кинокуния» — было начертано на ней.

— Уф! — невольно вырвался у Аоты-сан вздох облегчения, когда мы очутились у массивной двери.

После шумных, пестрых коридоров приятно было окунуться в тишину большой затененной комнаты. Понадобилось какое-то время, чтобы увидеть низкие столики в окружении мягких кресел, бар, шкафы с книгами. Из-за стойки бара неслышно вышла средних лет женщина и поставила перед нами стаканчики с холодной водой. Нет, Кобо Абэ не опаздывал. Это мы поспешили.

А вот и он. Писатель подошел к столику быстрой, упругой походкой, широко улыбнулся, блеснув белыми, ровными зубами, и сел напротив, предварительно сняв

конь имеет свои преимущества. Писателю стало трудно охватить время. Оно бурное, как водопад. Надо уметь мысленно расчленить его струи. Выбрать главную, сильную. Тут требуется неторопливость, опыт, умеренная скорость. Чтобы выразить действительность объемно, честно, заставить читателя остановиться и сверить свой нынешний путь с перспективой, старые методы уже не помогут.

— А что вы имеете в виду, говоря «старые методы»? Опыт классиков? Форму? Жанр?

— Скорее форму. Писатель — это человек, прозревающий будущее. А будущее рисуется контурами, чуть уловимыми. Значит, надо найти такой инструмент, который помог бы сделать их рельефными с наибольшей точностью. Область поиска здесь только реализм. Вообще трюкачество в искусстве у японцев не популярно. Тому пример хотя бы живопись. В нашей стране модернизм, абстракционизм, короче, всякие «попы» и «измы»

сколь далеко уносили вас «четыре дерзких коня»?

Кобо Абэ от души засмеялся.

— И заносили... Мой отец врач. И, конечно, с детства я интересовался естественными науками. Поступил в Токийский университет на медицинский факультет. Решил однажды рассказать правду о том, что происходило вокруг меня. Иначе говоря, написал исповедь. Получилась повесть. Я ее назвал «Стена». Она неожиданно обрела известность. Так, один конь — юность, самый дерзкий, занес меня в литературу. В более зрелом возрасте увлекся драматургией, критикой, публицистикой. Так и носят меня верные кони более тридцати лет. Итог — собрание сочинений в двенадцати томах... Признаюсь, норовистые оказались кони. Часто брыкались. Работать трудно, по ночам, мучаюсь. Но когда найду образ, времени не замечу: сутки — тридцать два часа. И все-таки роман — три, четыре года. Выручает драматургия. С ней мне легче. Выступаю те-

нием... Японская публика любит книгу. Переводная, да и отечественная документальная проза получает у нас тираж от силы пятьдесят тысяч экземпляров. Роман, повесть — сто, двести. Кому отдает приоритет читатель? Убедительно? Документальный жанр не может поднять больших человеческих проблем. Это не литература. Лишь вспомогательная часть ее. Например, Каоте. Читать интересно, но я не хотел бы так писать. Это очень хорошее средство быстро зарабатывать деньги. Документальный жанр губит художественность, мастерство...

— А если эту мысль перенести на драматургию?

— Идентичное явление... Век документальной пьесы, как у красивой бабочки. Мелькнет, поражая... Подул ветер с другой стороны, и нет ее. Подлинное произведение рождает тепло руки, греет сердца художника. Пьеса, построенная на документах, — гипсовая маска с действительности.

Речь зашла о сегодняшней молодой японской литературе. О ее наиболее талантливых представителях, о тенденциях развития. Наблюдаются любопытные сдвиги, говорил Кобо Абэ, хотя по-прежнему в ходу массовая литература — приключенческая и уголовная с обязательными выстрелами и трупам, книги, заставляющие поразмыслить о жизни, раскрывающие нравственный облик современника, все шире находят теплый отклик у читателей. И героями подобных произведений выступают представители не привилегированного класса, а простые люди из среды тех, кто кует национальное богатство. Иными словами — рабочие, крестьяне, мелкие служащие. Но это уже не униженные и оскорбленные, а активные деятели, динтующие свою волю. Обновление — вот что все более настойчиво звучит со страниц повестей и романов молодых. Нечто похожее, я мог заметить, происходит и в драматургии, кино. И волна эта становится все более упругой и высокой.

Тут вмешалась в разговор Аота-сан. Она что-то тихо сказала Кобо Абэ и посмотрела на часы. Воцарилась пауза, которая и решила судьбу нашей беседы. Право прервать ее, как я почувствовал, было предоставлено мне.

— Пробыл час разлуки? — спросил я.

Кобо Абэ запустил пальцы в свою густую шевелюру, подвинул поближе к себе сумку. У краешка рта опять легла улыбка морщинка.

— Через пять минут начало очередной репетиции, — извиняющимся тоном проговорил он. — Ждут...

Я знал японскую точность и выразил сожаление, что из-за меня задерживается репетиция.

— О нет, — ответил Абэ-сан, — опоздания не предвидятся. Даже есть еще время сделать по глотку кофе. Студия рядом, в этом же здании... Что касается разлуки, скажем ей «нет». Наоборот, надеюсь на новую встречу, уже в Москве.

Кобо Абэ бывал в Советском Союзе и опять собирается посетить нашу страну.

— Люблю Москву в любое время года. В Советском Союзе мне дышится легко.

Борис ИВАНОВ,
спец. корр.
«Советской культуры».
ТОКИО — МОСКВА.

с плеча ремень коричневой сумки, предназначенной, судя по форме, для фотоаппаратуры. Стоило ему опуститься в кресло, как круглое лицо его обрело неподвижность, глаза за темной оправой очков смотрели изучающе внимательно. Сейчас он походил на гимнаста, ожидающего после трудного упражнения оценки судей. Вид спортсмена придавала ему не только плотная фигура, но и трикотажная, растегнутая у ворота рубашка. Светлый костюм хорошо оттенял его пышную, черную шевелюру.

Внешняя строгость собеседника, известно, не располагает к легкости и непосредственности. Сбивчиво я пробормотал какой-то комплимент, употребив избитый прием, позволяющий строить разговор с мертвой точкой. Кобо Абэ никак не реагировал. «Он молчит», — подумалось мне. Но я ошибался. Он просто очень чуткий, глубокий человек. И предварительные минуты молчания ему нужны для того, чтобы выбрать в беседе правильный тон, найти образ, определить стиль и форму, которые не разделяли бы, а сближали, с большей выразительностью и точностью отвечали бы на поставленные перед ним вопросы. Но это я понял чуть позже. А пока же после неудачного начала поздравил Кобо Абэ с пятидесятилетием. И тут уголок его рта тронула чуть заметная улыбка морщинка.

— Пять коней держит человек в своей жизни, — задумчиво проговорил Кобо Абэ, — четырех дерзких, — детство, отрочество, юность, зрелость, и одного послушного — старость. Так вот в моей конюшне остался один — послушный.

— Ну, пятьдесят — не старость. Да, и его еще можно прищипорить.

— Не сомневаюсь. Только где опустит он копыта... Лучше не спешить. Этот

не пользуются успехом. А произведения советских художников, например Оссовского, Ромадина, Ивана Титова, раскупаются мгновенно. Что же касается классиков, то их опыт неуязвим. Вы уже знаете о влиянии русского театра на японскую сцену, в частности системы Станиславского. Встречались, наверное, с Корэя Сэнда? К слову, он поставил большинство моих пьес... Так вот не менее сильно в нашей литературе ощущается и влияние русской прозы.

— Кого вы имеете в виду?

— Прежде всего, конечно, Толстого, Достоевского, Чехова. Они являются и моими учителями. Но, кроме русских писателей, своим учителем считаю и Эдгара По.

— А в чем сказывается это влияние?

Кобо Абэ снова погрузился в молчание. Отглотнул горячего кофе, передвинул на столе свою сумку.

— Все началось со средней школы. Поразили меня глаза этих писателей, которыми они увидели мир. Если бы я не прочел их книг, наверное, не увидел бы жизнь такой, какова она есть сегодня... Писатель без воображения — это талантливый клерк, составляющий важные документы. У Эдгара По я перенял умение создавать воображаемый мир. Его слова служат фантазии... В русской прозе как бы сливаются, образуя одно русло, две реки — европейская и чисто национальная. Это очень импонирует японской душе. Достоевский обнажил такие закоулки человеческой психологии, которые вдруг обнаружили в себе и японцы. Короче, связь русской литературы с национальным характером народа, злобой дня — в этом я усматриваю причину ее успеха в моей стране.

— Пользуясь вашим образом, разрешите спросить,

и как режиссер. Есть у меня маленький театр, скорее студия. Несколько опытных актеров перетащил у Корэя Сэнда из «Хайюдза».

— Даже рука жены не удержала вас от столь дерзкого поступка?

Улыбка снова озарила лицо Кобо Абэ. Дело в том, что его жена, Мати Абэ, известный в Японии театральный художник, работает у Корэя Сэнда. В ее оформлении поставлены в «Хайюдза» почти все чеховские спектакли. И успеху их в немалой степени способствовали декорации, выполненные по эскизам Мати Абэ, сумевшей с удивительной проникновенностью передать неброскую красоту русской природы, точно показать интерьер русского дома.

— На какие только жертвы не способна любовь... — сказал Кобо Абэ.

— А направление тоже позаимствовали у «Хайюдза»?

— Как вам сказать? И да, и нет! Форма несколько другая. Пьеса играется без традиционного авторского текста. Мною описаны лишь определенные ситуации, основывающиеся на которых, актеры находят свое словесное выражение авторской идеи. Поэтому каждый такой спектакль исполняется по-новому. Но отступлений от основной мысли не допускается. Сейчас репетируем мою последнюю пьесу, «Друзья». Ее идея — слитность мира, невозможность одиночества.

— Абэ-сан, разговоры о кризисе романа не затухают и сейчас. Есть критики, которые отдают приоритет документальной прозе. Как вы относитесь к этому?

— К документальной прозе? Уточню потому, что многие этот жанр причисляют к мемуарам, в чем и заблуждаются. Мемуары — исповедь, строка из общенациональной истории. А к истории я отношусь с уваже-